

27 СЕН 1957

Почему исчез спектакль о комсомоле?

Пьеса М. Светлова «Двадцать лет спустя», пронизанная героической романтикой первых лет революции, овеянная духом юности — задорной и немного смешной, но твердой и сильной, не может не полюбить зритель, особенно молодому. И очень жаль, что долгое время театры о ней не вспоминали.

Но вот в Москве ее поставили сразу два театра — Центральный Детский и имени Пушкина, поставили по-разному, в разной творческой манере. Пьеса идет уже около года, зритель принимает ее с интересом. Поэтому нельзя было не порадоваться, что и наш Киевский театр имени Леси Украинки обратился к ней. Судя по творческим возможностям коллектива, можно было ожидать хорошего спектакля.

И вдруг неожиданность: спектакль снимается дирекцией театра, не продержавшись в репертуаре и двух недель.

Что же случилось? Почему длительный напряженный труд многих, занятых созданием новой постановки, пошел впустую? Парадоксально, но факт: спектакль, поставленный в театре, ругали за... театральность, Яркую, необычную форму его совершенно необоснованно называли формалистической.

Да, есть в этом спектакле обидные мелочи, которые мешают, а иногда и раздражают. Великолепа музыка Рахманинова, но два непрерывно вращающихся на кругу сцены рояля с пианистами во фраках (! Это в 20-е годы-то!) оставляют странное впечатление. Или еще: режиссер несколько раз выстраивает героев спектакля в один ряд, и они стоят лицом к залу, впорыв глаза в одну точку, и долго, трудно молчат. Видимо, это делается для того, чтобы изобразить подъем духа и твердую решимость.

Спектакль оптимистичен. Он будоражит мысль, будит лучшие чувства. Но и здесь есть «но», идущие больше от индивидуальности актеров, нежели от стремлений режиссера. У В. Предаевич (Дуня) и у О. Борисова (Костя-Налево) есть излишний налет нервозности. А поскольку именно на их долю выпадает самые драматические эпизоды, то в образах ощущается этакая пессимистическая обреченность.

Вот, пожалуй, и все наиболее существенные недостатки. Достоинств в спектакле несравненно больше. Художественные и образительные средства режиссера И. Молостовой лаконичны и ярки. На сцене одна декорация: задник в сукнах и суженная сценическая площадка, данная в перспективе; меняются лишь детали: в зависимости от места действия появляется то алый стяг (ревром), то роскошная люстра и биллиардный стол (бывший барский особняк, ныне клуб комсомольцев), то маленький печатный станок (подпольная типография).

Это скупое, но величественно, ибо величие героини — в простоте. А здесь не взирая на внешнюю обыденность, суровая правда жизни поднята на пьедестал. И подвиг комсомольцев 20-х годов, о котором нынешнее молодое поколение знает только понаслышке, становится реальнее и осязаемее. Зал накрепко связан со сценой. Разрушена пресловутая «четвертая стена». Действующие лица

непосредственно обращаются к живущим в 1957 году, к тем, ради кого они боролись, любили и умирали.

В спектакле чувствуется романтическая приподнятость. И это в основном потому, что главная роль в нем принадлежит молодым актерам. Взволнованно и правдиво рассказать о героях пьесы М. Светлова лучше всего могут, конечно, их же ровесники. Трудно выделить кого-либо из исполнителей, сказать: «тот лучше, а тот хуже». Здесь сознательно приходится опускать слово «играет». Напряженная тишина в зале, неожиданные взрывы аплодисментов убеждают в том, что происходящему на сцене верят, как совершающемуся в жизни.

В пьесе нет центрального персонажа. Нет его и в спектакле. Но это не мешает, когда есть ансамбль, единый актерский ансамбль подчиненный твердой воле режиссера.

В спектакле «Двадцать лет спустя» режиссер не растворился в актере, он отдал ему свой замысел, веру в правильность своего решения. И он незримо присутствует в пафосе борьбы, которым пронизан спектакль, в патетических стихах, которые читает Костя-Налево, в лирических сценах, данных намеками полутонами, в скупых, но действенных мизансценах.

Истинное творчество не знает предела. И спектакль мог бы быть еще лучше. И даже не «мог бы», а должен, ибо театру имени Леси Украинки по плечу сложные задачи. Доработать спектакль не представляло большого труда. Вместо этого руководство театра просто... сняло его с репертуара. Путь самый легкий и самый неправильный. Путь ошибочный и неверный.

Почему в Москве могут с успехом идти поставленные Н. П. Охлопковым спектакль-концерт «Гостиница «Астория» и спектакль-карнавал «Аристократы» и почему в Киеве лишается права на жизнь спектакль-плакат?

Есть в этом молодежном спектакле промахи, есть недостатки, но это не пустое экспериментаторство и уж, конечно, не формализм. Это творческие поиски. А искать новое — трудно. Тут нужны помощь, дружеский совет. И если будет помощь, то придут яркие формы, неожиданные решения, интересные приемы.

Теперь появляются не просто «пьесы», но и «комедии», и «водевили» и «трагедии». Так почему же не открыть «зеленую улицу» «драматической поэме», поставленной в романтическом ключе?

* * *

Спектакль должен жить, он имеет на это полное право. И очень жаль, что его постигла такая странная участь именно сейчас, в канун Великой годовщины, когда театры более, чем когда-либо обязаны рассказать в художественных образах о героическом прошлом нашего народа, нашей молодежи.

Перестраховка — не метод работы в искусстве. Зритель, и не только молодой, — ждет возобновления спектакля «Двадцать лет спустя» на вашей сцене, уважаемый коллектив театра имени Леси Украинки!

Е. ЗОНИНА.